

А.А. Каратаев*¹, А.К. Токсанбаев²

¹Научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Республика Казахстан
E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>

²PhD, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ПРИСЫРДАРЬИНСКОГО РЕГИОНА В ЭТНОГЕНЕЗЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Аннотация

Вопрос соотношения политической и этнической истории казахского народа является довольно актуальным вопросом, поскольку история племен, составивших казахский народ и история династии урусидов имела мало общего в XV–XVI в.в. *Целью и задачами* являются рассмотрение проблемных вопросов этногенеза казахов с точки зрения географической истории населения, а также выдвижение новой гипотезы об экономико-географических факторах, приведших к образованию казахского этноса. *Материалы и методы.* В качестве материалов использованы труды «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана, «Маджма аль-гараиб» аль-Балхи, а также предания об Алаша хане. *Результаты.* Была установлена ключевая роль зимовок племен в долине Сырдарьи и присырдарьинских городов, в этногенезе казахского народа. Наличие летовок в трех разных частях восточного Дешт-и Кипчака, в свою очередь, сыграло роль в разделении данной общности племен на три группы, которые стали основой для жузов. *Выводы.* В результате установления урусидами власти в Присырдарьинском регионе, политоним «казах» стал этнонимом подвластного населения, и, тем самым, политическая и этническая истории казахов обрели однонаправленное движение.

Ключевые слова: Сырдарья, Улус Джучи, Могулистан, Казахское ханство, Дешт-и Кипчак, могулы, Тимуриды.

Для цитирования: Каратаев А.А. Ключевая роль Присырдарьинского региона в этногенезе казахского народа

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

А.А.Каратаев*¹, А.К.Токсанбаев²

¹Ғылыми қызметкер, Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан Республикасы

E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>

²PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы
E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

СЫРДАРИЯ Өңірінің қазақ халқының этногенезіндегі басты рөлі

Аңдатпа

Қазақ хандығының саяси тарихы мен этникалық тарихының арақатынасы мәселесі - өзекті мәселе болып табылады, өйткені қазақ халқын құрған тайпалардың тарихы мен урусидтер тарихы XV-XVI ғасырларда аз уақыт ортақ болған. *Зерттеудің мақсаттары мен міндеттері.* Бұл зерттеудің мақсаты мен міндеттері халықтың географиялық тарихы тұрғысынан қазақтар этногенезінің проблемалық мәселелерін қарау, қазақтардың этникалық және саяси тарихы арасындағы қайшылықтарды шешуге тырысу, сондай-ақ қазақ этносының қалыптасуына алып келген экономикалық-географиялық факторлар туралы жаңа гипотеза ұсыну болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Материалдар ретінде Фазлаллах ибн Рузбиханның "Михман-наме-йи Бұхара", әл-Балхидің "Маджма әл-гараиб" еңбектері, сондай-ақ Алаша хан туралы аңыздар пайдаланылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижесінде Сырдария маңы қалаларындағы тайпалардың қыстауының, қазақ халқының этногенезіндегі шешуші рөлі анықталды. Шығыс Дешті Қыпшақтың үш түрлі бөлігінде жайлаулардың болуы, өз кезегінде, осы тайпалар қауымдастығын жүздерге негіз болуда маңызды рөл атқарды. *Қорытындылар.* Урусидтердің

Сырдария өңірінде билік орнатуы нәтижесінде "қазақ" политонимі бағынышты халықтың этнониміне айналды, осылайша саяси және этникалық тарихы бір бағытты қозғалысқа ие болды.

Түйін сөздер: Сырдария, Жошы Ұлысы, Моғолстан, Қазақ хандығы, Дешті Қыпшақ, моғұлдар, Тимуридтер.

Дәйексөз үшін: Қаратаев Ә.Ә. Сырдария өңірінің қазақ халқының этногенезіндегі басты рөлі.

Алғыс: Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен орындалды (ЖРН № BR18574101).

*A.A.Karatayev*¹, A.K.Toxanbayev²*

¹ Research Associate, Institute for the Study of Ulus Jochi, Astana, Republic of Kazakhstan

E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>

² PhD, Al-Farabi Kazakh National State University, Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

KEY ROLE OF THE PRISYRDARYA REGION IN THE ETHNOGENESIS OF THE KAZAKH PEOPLE

Abstract

The question of the correlation between the political and the ethnic history of the Kazakh people is a rather topical issue, since the history of the tribes that made up the Kazakh people and the history of the Urusid dynasty had little in common in the XV-XVI centuries. *Aims and objectives of the study* are to examine the problematic issues of the ethnogenesis from the point of view of the geographical history and to attempt to resolve the contradictions between the ethnic and political history of the Kazakhs. *Materials and methods.* The works "Mihman-name-i Bukhara" by Fazlallah ibn Ruzbihan, "Majma al-gharaib" by al-Balkhi, as well as legends about Alasha-khan were used as materials. *Results.* As a result of the study, the key role of the wintering grounds of the tribes in the Syrdarya valley in the ethnogenesis of the Kazakh people was established. The presence of summers in three different parts of the eastern Desht-i Kipchak, in turn, played a role in the division of this community of tribes into three groups, which became the basis for the zhuzes. *Conclusions.* As a result of the Urusids' establishment of power in the Prisyrdarya region, the polytonym "Kazakh" became the ethnonym of the subordinate population, and thus, the political and ethnic history of the Kazakh people acquired unidirectional movement.

Keywords: Syr Darya, Ulus Jochi, Mogulistan, Kazakh Khanate, Desht-i Kipchak, Moguls, Timurids.

For citation: Adilbek Karatayev. Key role of the Prisyrdarya region in the ethnogenesis of the Kazakh people.

Acknowledgements: *The work was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN № BR18574101).*

Введение. Проблема этногенеза казахского народа и его соотношения с политической историей Улуса Джучи и Казахского ханства является одной из актуальнейших тем казахстанской историографии. Это обусловлено значимостью вопроса, поскольку на данный момент исследователями не был дан удовлетворительный ответ на вопрос о том, как сложился казахский народ. Устоявшейся парадигмой является возведение происхождения казахского народа к Казахскому ханству, и, таким образом, отправной точкой в этнической истории казахского народа выбрана откочевка урусидов Керей и Джанибек ханов в Могулистан в середине XV в.

Мы, в свою очередь, предлагаем иное видение развития данного процесса. На наш взгляд, казахский этнос сложился как общность племен, объединенных такими экономико-географическими факторами как общие зимовки в долине Сырдарьи и вхождение в Присырдарьинскую экономическую область. Данная общность восточно-дештских племен и влияние экономико-географических факторов являлись основой для формирования казахского народа, тогда как влияние деятельности политической элиты в лице чингисидских династий не играли определяющей роли в этногенезе казахов.

Материалы и методы. На наш взгляд, политическая история как отрасль исторической науки не способна дать подробные ответы на вопросы об этнической истории казахов. В связи с этим, мы рассмотрели их с точки зрения географической истории населения для выявления географических и экономических факторов, способных оказать влияние на образование казахского народа. В частности, такими факторами являлись общие зимовки восточно-дештских племен и города в Присырдарьинском регионе. Основным источником, значимость которого сложно переоценить, являлись «Михман-наме-

йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана [1]. Также мы использовали летопись «Маджма аль-гараиб» Султан-Мухаммада аль-Балхи [2] и фольклорные предания об Алаша хане в контексте образования и расположения казахских жузов вдоль верхнего, среднего и нижнего течения Сырдарьи.

Также мы использовали теоретические концепции видного казахстанского ученого Н.Э. Масанова, указанные в его незабвенном труде «Кочевая цивилизация казахов» (1995), в главе «Социальная организация». В ней он пришел к выводам, аналогичным нашим, в частности, о том, что влияние военно-потестарной организации в лице политической элиты на социальную организацию казахов было ничтожно малым. На организацию казахского общества гораздо больше влияли такие экономические факторы, как зимовки, летние кочевья, а также вопросы их распределения и взаимодействия между различными общинами. В ходе данных процессов и складывались патронимические группы – роды и племена, и ассоциативные группы – жузы [3].

В качестве основного был использован геоисторический метод, основным принципом которого является возведение географического пространства в действующее лицо истории, поскольку оно влияет на государства, экономики и общества. В частности, в данном исследовании ключевым географическим фактором в образовании казахского этноса является р.Сырдарья, общие зимовки в долине которой привели к объединению восточно-дештских племен в одну общность, а разные летовки в трех разных частях Дешт-и Кипчака повлияли на образование трех жузов.

Обсуждение. Касательно роли Присырдарьинского региона в казахской истории имеются различные мнения. О ключевой роли этого края в образовании казахского народа гипотез высказано не было, однако были выдвинуты различные версии о связи захвата данного региона и разделения казахов на жузы.

В. Вельяминов-Зернов [4, с. 382-383], В. Бартольд [5, с. 97], К. Пищулина [6, с. 102] связывали разделение казахов на три жуза с захватом Тауекел ханом присырдарьинских городов как важных экономических центров.

Н. Масанов писал, что государственность у кочевников может быть связана только с городами, поэтому ее ранние формы могли возникнуть у казахов лишь с подчинением Присырдарьинского региона [3, с. 163]. Мы считаем, что основой для образования казахского этноса были как общие зимовки в долине Сырдарьи, так и вхождение восточно-дештских племен в Присырдарьинскую экономическую область.

Из новейших исследований прямо или косвенно затрагивающих данную тему можно отметить работы М. Абдирова [7], Д. Талеева [8], О. Исмагулова и А. Исмагуловой [9] в которых рассматриваются последние достижения в области антропологии и истории этногенеза казахов.

Результаты. В казахстанской историографии подавляющая часть исследований посвящена политической истории Казахского ханства, и наиболее важное значение в трудах отечественных историков уделяется казахским ханам и их политике. Таким образом, политические деяния правителей по определению считаются детерминантой в этнической истории казахского народа. Так, согласно устоявшейся парадигме, образование казахов как этноса и разделение на три жуза приписывается ханам из династии урусидов. Однако возникают вопросы о том, состоялись ли бы казахи как этнос, если по определенным причинам власть в восточном Дешт-и Кипчаке не досталась потомкам Урус хана, либо имелись другие факторы, оказавшие более значительное влияние на образование казахского народа, чем политическая деятельность династии урусидов.

Подобные вопросы возникают из-за рассмотрения вопросов под призмой политической истории. И чем чаще публикуются исследования по политической истории Казахского ханства, тем больше возникает вопросов об этнической истории казахов, и происходит понимание того, что политические и этнические процессы на территории современного Казахстана развивались не в едином направлении.

К примеру, в «Тарих-и Рашиди» имеется упоминание о том, что *«в тридцатом (1524) году казахов было тысяча тысяч человек, а в сорок четвертом (1537) из этого числа людей не осталось на земле и следа»* [10, с. 348]. Безусловно, в данном отрывке речь идет о политической общности, известной как «казахи», а не об этнической. Сложно представить как могло не остаться и следа от народа, численность которого десятилетием ранее была равна миллиону человек. Это объясняется тем, что слово «казах» на тот момент являлось политонимом, а не этнонимом, и обозначало династию урусидов, правивших в «Урус хановом юрте», т.е. в Казахском ханстве, а также их подданных, подчинявшихся им в то время. Таким образом, под «исчезновением» казахов имелась ввиду потеря урусидами власти над населением и территорией восточного Дешт-и Кипчака. Такого же мнения придерживается и Ж. Сабитов [11, с. 740]. Также, стоит отметить, что речь идет не об откочевке населения от ханов, а о том, что территории постоянных кочевий племен, ранее подчинявшихся урусидам, перешли под власть других степных династий, как шибаниды, чагатаиды, едигейды. В результате, племена, ранее именовавшиеся казахами,

оставались на своих прежних местах, но перенимали политонимы вышеуказанных правящих кланов и становились шибанскими узбеками, могулами или ногаями. Таким образом, менялась лишь принадлежность племен к определенным политическим группам, но в этническом плане изменений не происходило.

Еще одним моментом, на который стоит обратить внимание, является то, что казахский этнос сложился из племен с различным историческим прошлым, поэтому под этнической историей казахов подразумевается история данных племен. Если взглянуть на политическую историю большей части казахских племен XV-XVI в.в., то можно заметить, что она по большей части не связана с урусидами. Так, к примеру, в последней трети XV в., когда Керей и Джанибек ханы устанавливали свою власть в восточном Дешт-и Кипчаке, аргыны активно участвовали в политической жизни государства тимуридов в Средней Азии. В то же время алшины были одним из влиятельнейших племен в Большой Орде на берегу Волги, где правили потомки Тимур-Кутлук хана. Найманы, уйсуну, коньраты, кыпчаки, таминцы, курлеуты, маджары, табыны (тубаны), в свою очередь, являлись подданными шибанидов-абулхаиридов. Также известно, что дулаты являлись на тот момент одной из ведущих политических сил в Могулистане. В итоге, мы снова убеждаемся в том, что политическая история казахских ханов-урусидов и этническая история племен, составивших позднее казахский этнос, не являлись однонаправленными процессами, и даже наоборот, будущие казахские племена в определенные моменты истории находились в противоборствующих с урусидами лагерях.

Другим примером расхождений между политической и этнической историей казахского народа являются фольклорные предания. Проблема заключается в том, что в казахском фольклоре не зафиксировано преданий о ханах-урусидях, правивших в XV-XVI веках. Только с того момента, когда этнический состав Казахского ханства стал более или менее стабильным при правлении Есим хана, мы начинаем встречать устные произведения и предания о его деятельности, а также упоминания о нем в шежере. Далее мы встречаем сведения из фольклора о Тауке, Абулхаире и Абылай ханах. Таким образом, с начала XVII в. политическая и этническая история начинают развиваться в одном направлении и тесной взаимозависимости между собой. На вопрос о том, почему это однонаправленное движение началось именно с эпохи Есим хана, мы предоставим ответ далее в исследовании.

Очевидно, что политическая история не может дать исчерпывающие объяснения проблемам этногенеза казахского народа. В связи с этим, мы решили рассмотреть данные вопросы с точки зрения исторической географии населения. К сожалению, этой отрасли исторической науки уделяется гораздо меньше внимания, тогда как ее изучение имеет большой эвристический потенциал по раскрытию многих белых пятен этнической истории казахов.

По нашему мнению, самым значимым экономико-географическим фактором в истории казахского народа, сыгравшим огромную роль в сложении казахов как этноса, являлась река Сырдарья, что отразилось в устных преданиях об образовании казахского народа и составляющих его трех жузов, а также было отмечено в летописи «Маджма ал-гараиб».

В предании об образовании казахских жузов, и как следовательно казахского народа, важная роль уделяется Сырдарье, как реке, по течению которой образовались три жуза. В устном предании, записанном Г. Потаниным, говорится о том, что по верхнему, среднему и нижнему течению Сырдарьи расположились три сотни воинов под началом Уйсуну, Болата и Алшина, из которых соответственно образовались Старший, Средний и Младший жузы. Эти три сотни возвели в ханы мальчика, бежавшего от своего отца-хана, и прозвали его Алаша ханом. Согласно данному преданию, начало образования казахского народа, государства и трех жузов берет начало с вышеупомянутого Алаша хана и его трех сотен воинов, расположившихся по Сырдарье [12, с. 55]. Иные варианты предания также связывают данные события с Сырдарьей [13, с. 271].

Аналогичные сведения о расположении трех жузов по верхнему, среднему и нижнему течению Сырдарьи, указаны в летописи «Маджма ал-гараиб» (Собрание редкостей), составленной в двух редакциях – 1567 и 1577 г.г. муфтием Султан-Мухаммадом аль Балхи. В ней указано, что «в исторических книгах Большой жуз, Средний жуз и Младший жуз не упоминаются. А обычай казахов таков: обитающих на верховьях называют Большим жузом, живущих ниже – Средним жузом, и живущим на низовьях Младшим жузом. Так называются данные племена и роды, а другие племена и роды, живущие там, от них не выделяются» [14, с. 224]. В данном отрывке, как мы видим, не написано название реки, указано лишь то, что жузы располагались по ее течению. Однако, как известно, граница между казахскими племенами и среднеазиатскими народами издревле проходила по Сырдарье, и нет никаких сомнений в том, что здесь подразумевалась именно эта река.

Необходимо обратить внимание на то, что образование казахского народа в фольклорных преданиях возводится исключительно к трем сотням казакующих воинов во главе с Алаша ханом. И эти

сотни-жузы в вышеуказанных устных и письменных источниках связываются с рекой Сырдарья. В связи с этим, можно сделать вывод, что и образование всего казахского этноса связано с Сырдарьей.

Далее возникает вопрос о том, почему именно Сырдарья являлась географической детерминантой в образовании казахского этноса. На наш взгляд, причинами этого послужили несколько факторов:

1. Долина Сырдарьи с ее пастбищами являлись зимними кочевьями для большинства племен восточного Дешт-и Кипчака, кочевавших в разных частях степи и сходящихся на зимовках.

2. Вдоль ее берега располагались города, являвшиеся важными экономическими центрами как для политической элиты, так и для рядовых кочевников. Это были центры торговли и обмена скотоводческой продукции на земледельческую и ремесленную, а также местами сбора налогов и таможенных пошлин. Присырдарьинские города составляли отдельный экономический район в Дешт-и Кипчаке, являясь центрами притяжения для восточно-дештских племен и обособляя их от населения других экономических районов.

3. Также Присырдарьинские города являлись центрами духовности и культуры, так как в них базировались суфийские тарикаты, тесно связанные с джучидами и эмирами племен. Данные тарикаты вступали в различные отношения с представителями дештских племен и сыграли определенную роль в их консолидации и организации.

Далее мы остановимся более подробно на каждом из трех вышеуказанных пунктов.

Рисунок 1. Долина р. Сырдарья. [Figure 1. Syrdarya River Valley. Yandex.Images]

Зимовки в долине Сырдарьи как объединяющий экономико-географический фактор в этногенезе казахского народа. Важнейшим источником по нашей теме является труд «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана, содержащий большое количество сведений экономического и географического характера о Присырдарьинском регионе. В частности, нас интересуют следующие отрывки касательно кочевий дештских племен:

1. «...Всевышний и Всемогущий Бог пожаловал им летние и зимние становища, пространство равнинной земли в шестьсот фарсахов... Это пространство покрыто речками, цветами и тюльпанами и называют его Дешт-и Кипчак... Эта обширная степь является летним становищем узбеков, и в летние дни, когда наступает зной таммуза и время множества пожаров и сгорания, казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи» [1, с. 93].

2. «Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища... Таким образом, как упомянуто о способе их передвижения, они из пределов [Кипчакской] степи и области реки 'Адил (Волги), которую называют Итиль, они, ежедневно кочуя в таком великолепии и богатстве в течение двух или более месяцев и передвигая кибитки среди снегов, в собольих, беличьих и

других шубах, в шелковых одеждах со множеством украшений, через два месяца прибывают на зимние стойбища. Местом их зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр... Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов» [1, с. 94].

Как мы видим из вышеуказанных отрывков, племена, указанные как «казахские», что обозначало подданных Бурундук хана в 1509 году, имели летом кочевья по всем рубежам восточного Дешт-и Кипчака, протяженностью в шестьсот фарсахов, что примерно составляет 3.600 км., что намного превышает протяженность Республики Казахстан с востока на запад, составляющую 2.963 км. В свою очередь к зиме все данные племена перекочевывали на зимние стойбища в долину Сырдарьи, и располагались на участке протяженностью в триста фарсахов, что составляет около 1.800 км. Учитывая, что протяженность Сырдарьи составляет 2.263 км., получается, что дештские племена занимали практически 80% ее прибрежной зоны. Предполагаем, что это территория от Аральского моря до Ташкента.

Таким образом, исходя из описаний Фазлаллаха ибн Рузбихана, мы видим, что наличие зимних кочевий вдоль Сырдарьи являлось экономико-географическим фактором, объединявшим разнородные племена восточного Дешт-и Кипчака, кочевавших летом на пространстве от Волги и Урала до Иртыша и Балхаша.

Особенностью зимних кочевий являлось то, что они были неизменны, передавались из поколения в поколение не в рамках племени, а в рамках прямых семейно-родственных связей, и ими кочевники дорожили больше всего как наследственной собственностью [3, с. 139], тогда как территории летних кочевий могли меняться в зависимости от природных и иных условий. Фактически зимой кочевники превращались в оседлых землевладельцев. По этой причине, нахождение неизменных наследственных зимовок большинства восточно-дештских племен в Присырдарьинском регионе укрепляло и фактически обособляло их общность, основанную на общих экономических интересах, от племен, кочевавших в других экономико-географических регионах как Крым, Поволжье, Сибирь.

Вышеупомянутая неизменность месторасположения зимних кочевий также объясняет причины вхождения племен, составивших казахский этнос в состав различных политических групп. На наш взгляд, представление о том, что племена лояльные определенным династиям чингисидов меняли свои кочевья, следуя за политической деятельностью своих правителей в случае их поражений, побед или перекочевков, является ошибочной. Территория кочевков племен не менялась, однако вследствие того, что территория Присырдарьинского региона переходила из-под власти одной династии к другой, племена также меняли свое политическое подданство, поскольку наличие пастбищных угодий являлось первоочередной задачей для их существования и выживания. К подобным выводам пришла и К.А. Пищулина, писавшая, что *«опираясь на захваченные ими в Туркестане города, казахские ханы и султаны могли скорее добиться утверждения своей власти над непокорной и вероломной родоплеменной знатью, постоянно готовой перевернуться на сторону того потомка джучидского рода, который в данный момент обладал более реальной властью»* [6, с. 96]. Однако, мы считаем, что называть родоплеменную знать непокорной и вероломной является ошибочным мнением, поскольку для нее потеря постоянных зимних кочевий была гораздо большей проблемой чем переменчивая политическая конъюнктура.

Мы придерживаемся мнения, что влияние политической элиты на расположение и распределение кочевий практически сводилась к нулю. Территории кочевания устанавливались представителями племен самостоятельно, на что не влияла часто меняющаяся в Дешт-и Кипчаке политическая конъюнктура. Такого же мнения придерживается и Н. Масанов, комментируя сообщение мирзы Мухаммеда Хайдара о том, что *«казахи, по распоряжению Касим-хана, двинулись на зимовки»*. Он пишет, что в данном случае речь идет лишь о подаче сигнала к началу кочевания, а не о регламентации системы кочевания. Любая попытка регламентации системы кочевания и землепользования очень быстро бы выявила свою несостоятельность и привела бы к экономическому кризису и гибели хозяйственного организма [3, с. 153].

В итоге, мы видим, что большая часть племен восточного Дешт-и Кипчака имела общие зимовки в долине реки Сырдарья. Особенностью зимних кочевий была их неизменность и передача из поколения в поколение. Данная неизменность зимовок и общие хозяйственные интересы в одном регионе – долине Сырдарьи обособляло восточно-дештские племена в единую общность. Помимо общих зимовий, данный процесс усиливался наличием экономических центров в виде Присырдарьинских городов, формировавшим отдельную экономико-географическую область в Улусе Джучи. Также неизменность мест кочевий объясняет нахождение будущих казахских племен в составе различных политических

групп. Это объясняется тем, что данные территории зимовок в Присырдарьинском регионе подчинялись тем группировкам, которые захватывали регион. Племена не откочевывали вслед за старыми сюзеренами и не оставляли свои наследственные владения ради бывших правителей, а лишь подчинялись новым властям. Влияние политической верхушки, как было указано ранее, не распространялось на распределение и расположение кочевий племен. По этой причине мы можем наблюдать присутствие уйсунув, найманов, коньратов в составе шибанидов, алшинов во власти тимуркутлукидов и урусидов, аргынов у тимуридов и шибанидов, дулатов, жалаириров у чагатаидов и урусидов. Данные племена, оставаясь на своих исконных кочевьях, лишь меняли политическое подданство и политонимы, фактически являясь частью восточно-дештской общности племен. Следуя данной логике, решаются некоторые противоречия между политической и этнической историей казахского народа, а также, мы в очередной раз убеждаемся о том, что политическая история не может дать ответы на все имеющиеся вопросы казахской истории.

Влияние экономико-географических факторов на образование казахских жузов. Как мы указали ранее, фольклорные предания и летопись «Маджма аль-гараиб» связывают разделение жузов с их расположениями по течению Сырдарьи. Существует большое количество преданий об образовании казахских жузов, и все они связывают этот процесс с легендарным Алаша ханом и тремя сотнями воинов, последовавших за ним. В этой связи, многие исследователи осуществляли попытки идентифицировать реальную личность Алаша хана, так как ответ на данный вопрос помог бы установить время образования жузов. Мы также посвятили этой теме отдельное исследование [15]. Однако, на наш взгляд, любые попытки установить связь Алаша хана с определенными политическими деятелями обречены на неудачу и на это имеется несколько причин.

Несмотря на устоявшиеся в казахстанской историографии мнения о том, что Алаша хан – это Урус хан, либо его потомок Хакназар хан, под описание легендарного прародителя всех казахов и основателя трех жузов может подходить гораздо большее число правителей Улуса Джучи и Казахского ханства. Под сюжет о бегстве от хана и казаковании, помимо Урус и Хакназар ханов, близки биографии ханов Барака, Керей и Джанибека, Касыма, Тауекеля, шибанида Абулхаира, Мухаммеда Шейбани и других джучидов.

Существует большое количество разных сюжетов об Алаша хане, связывающих его жизнедеятельность с ногаями, русскими, могулами, шибанидами и даже с Крымом. На наш взгляд, различные версии преданий об Алаша хане как о прародителе всего казахского народа, представители разных племен связывали с историей своего племени. Прибывшие из Крыма или государства Шибанидов, считали Алаша хана основателем данных государств, и, таким образом, проецировали историческую память своей родоплеменной группы на весь казахский народ. Это в очередной раз свидетельствует о расхождении между этнической историей казахского народа с его политической историей.

Также можно заметить, что в основу разных версий легенды об Алаша хане легли реальные исторические события, происходившие с различными ханами. К примеру, ранее пытаюсь обосновать гипотезу о тождестве личностей Алаша хана и Урус хана, мы приводили в пример несколько различных вариантов преданий [16, с. 246]. Также стоит отметить, что есть предания, повествующие, что Алаша хан изначально был подданным шибанида Абдуллы хана, а затем оставил его и погиб в ответном походе на Бухару. Этот сюжет абсолютно идентичен политической биографии Тауекел хана, изначально являвшегося соратником Абдуллы, а затем, оставив его, вернулся в казахские степи и позже погиб при осаде Бухары. В связи с вышеуказанным, мы считаем, что связывать личность Алаша хана с определенным правителем-чингисидом не является корректным. Необходимо добавить, что в основу сюжетов большинства версий преданий легли поздние наслоения о ханах-урусидов.

Можно привести в пример распространенные легенды и предания об Аз-Джанибек хане, сыне Узбек хана. С Джанибек ханом связываются легенды об основании Астрахани, а также о том, как его русский подданный Иван Калита обманым путем завладел большим количеством земель Джанибек хана [17]. Как известно из исторических источников первые сведения об Астрахани относятся ко времени Узбек хана, отца Джанибек хана. То же касается и Ивана Калиты, который был данником Узбек хана и умер в 1340 г., за два года до восшествия на престол Джанибек хана, тогда как все фольклорные предания приписывают Джанибеку основание Астрахани и обман Ивана Калиты. Таким образом, мы видим, что в устных преданиях события, связанные с Узбек ханом, приписаны его сыну Джанибеку, и являются, таким образом, более поздним наслоением. Вероятно, что это связано с тем, что «золотая эпоха» расцвета Улуса Джучи, основу которой заложил Узбек хан, достигла своего апогея при Джанибек хане и поэтому народная молва приписывала все ему, а не его отцу.

В связи с этим, мы снова приходим к выводу, что возможности политической истории объяснить

ключевые моменты этногенеза казахов ограничены. Рассмотрев данный вопрос с позиции исторической географии, мы можем получить ответ и на него.

Как ранее было упомянуто, в фольклоре и «Маджма аль-гараиб» разделение жузов связано с их расположением по верхнему, среднему и нижнему течению Сырдарьи. Учитывая, что по течению Сырдарьи располагаются лишь зимние кочевья дештских племен, а их летовки располагаются по краям Дешт-и Кипчака, можно сделать вывод, что разделение зимовок по течениям Сырдарьи связано с их разделением по летним кочевьям в разных частях восточной части Улуса Джучи. Согласно ибн Рузбихану, казахи летовали на Волге и зимовали на Сырдарье. По всей видимости речь идет лишь об одной группе подвластного урусидам населения, кочующего от низовьев Сырдарьи к Волге и Уралу. Остальные две части степных племен кочевали от среднего течения Сырдарьи к Тоболу, Ишиму и Иртышу, и от верховьев Сырдарьи к озеру Балхаш и Жетысу. Таким образом, сложились три группы племен, отличающихся по географии кочевания: верхняя, средняя и нижняя, что нашло отражение в названии жузов – Старший, Средний и Младший. На наш взгляд, именно географический фактор сыграл ключевую роль в образовании жузов. Вполне вероятно, что изначально эти три группы племен не назывались жузами, и сами названия Старший, Средний и Младший жуз появились в результате политической деятельности джучидов. Согласно различным версиям преданий, дештские племена могли быть разделены на жузы при батуиде Джанибек хане, тука-тимуриде Урус хане, шибаниде Абулхаир хане и урусиде Хакназар хане. Определить точно при каком из них они появились не представляется возможным. Однако основой формирования жузов являлись территориальные группы дештских племен, сходящиеся на Сырдарье и расходящиеся по разным частям Дешт-и Кипчака, как на то указывал ибн Рузбихан.

Ранее В. Вельяминов-Зернов [4, с. 382-383], В. Бартольд [5, с. 97] высказывали мнение об образовании жузов в связи с завоеванием Присырдарьинского региона казахскими ханами. К.Пищулина [6, с. 102], развивая эту мысль, связывала появление жузов с вовлечением прибывших с урусидами племен в экономически развитый Присырдарьинский регион. В результате данного процесса, когда казахские ханы получали в управление отдельные города у Сырдарьи, казахское общество вступало в более развитые феодальные отношения, в связи с чем появились жузы.

Однако, данные исследователи снова делают упор на первичность политической истории над этнической и географической историей. Как мы указали выше, казахские племена не прибыли в Присырдарьинский регион с ханами-урусидами, а являлись изначально населением данных мест, и подчинялись ранее другим династиям.

Таким образом, на наш взгляд, жузы образовались в качестве территориальных объединений племен, кочевавших на одной территории, т.е. их появление было детерминировано географическими факторами как месторасположение кочевий.

Также большую помощь в разрешении этой проблемы могут оказать теоретические концепции Н. Масанова, указанные в его труде «Кочевая цивилизация казахов». В нем он делит организацию казахского кочевого общества на три таксономических уровня. Самым нижним уровнем является патронимическая организация, основанная на принципах генеалогического родства, регулировавшая большую часть социально-экономических отношений. Фактически, речь идет о родах и племенах. Вторым уровнем является ассоциативная группа. Суть данной организации была в координации общественной деятельности, согласовании и арбитраже вопросов социальной практики, регламентации межгрупповых, межобщинных отношений, регулировании системы совместного кочевания. Как мы предполагаем, под ассоциативными группами имеются ввиду жузы. И самым верхним уровнем является военно-потестарное образование, интегрирующая различные ассоциативные группы в иерархически субординированную организацию. Под этим понятием мы понимаем само Казахское ханство [3, с. 131-160].

Н. Масанов, говоря об ассоциативных группах, подтверждает наши гипотезы. Ассоциативная группа объединяла различные племена и регулировала их взаимоотношения в части земельных угодий, водных источников и кочевых маршрутов, особенно в летнее время, так как зимние пастбища были издавна распределены и передавались из поколения в поколение, как было указано выше. Также она решала вопросы внеэкономического характера, обладая регламентаторскими, регулирующими, арбитражно-контрольными и частично военными функциями [3, с. 150-154].

По нашему мнению, жузы являлись ассоциативными группами племен, возникшими в ходе решения всего спектра вопросов, связанных с летними кочевьями в трех частях восточного Дешт-и Кипчака.

Также Н. Масанов подтверждает наши идеи о первичности влияния экономико-географических факторов над политическими в образовании казахских жузов и слабого влияние политической

верхушки на племена, и как следствие этногенез казахского народа [3, с. 155-160].

К примеру, он пишет, что на основе общих интересов различные племена объединялись в организацию и лишь, потом происходило идеологическое переосмысление этого процесса, выражающееся в создании единого генеалогического древа [3, с. 147]. Также было и в нашем случае, когда объединенные общими интересами и территориями кочевий племена, объединялись в жузы, а затем искусственно конструировались генеалогические древа, объединяющие разнородные племена в одну жузовую генеалогическую систему. Теме конструирования генеалогических древ в рамках жузов мы посвятили отдельное исследование [15, с. 784-785].

Также Н. Масанов пишет, что социально-экономические отношения регулировались в рамках объединения патронимических групп (племен) в ассоциативные группы (жузы) и никогда не регламентировались военно-потестарной организацией (ханством). Военно-потестарные организации не отличались постоянством и часто распадались и исчезали, и имели очень ограниченный потенциал в глубине проникновения в структуру общественных отношений [3, с. 162]. Таким образом, мы приходим к выводу, что жузы возникли в ходе решения социально-экономических вопросов самими представителями племен, и не были продуктом политической деятельности правителей.

Присырдарьинский регион как обособленная экономическая область и духовный центр. Помимо того, что долина Сырдарьи являлась местом зимних кочевий, она также являлась местом экономического притяжения кочевого населения восточного Дешт-и Кипчака, так как в ее прибрежной полосе был сосредоточен целый ряд городов, являвшихся центрами торговли, ремесел, культурно-духовной жизни и военно-политической деятельности. В данном исследовании мы не будем останавливаться отдельно на каждом городе, но будем рассматривать их как одну экономическую область под устоявшимся в отечественной историографии термином «Присырдарьинский регион».

Ибн Рузбихан очень удачно охарактеризовал город Сыгнак в среднем течении Сырдарьи как «порт Дешт-и Кипчака», сравнивая восточно-дештскую степь с морем, а Сыгнак с торговой гаванью [18]. Помимо Сыгнака и другие города Присырдарьинского региона играли роль торговых портов с дештскими племенами. Эти города связывали два различных в хозяйственном отношении района, находясь на стыке степей кочевников и оседло-земледельческих районов Средней Азии. Несмотря на устоявшееся мнение о том, что кочевники не зависели от городов, можно с большой долей уверенности утверждать о чрезвычайно важном значении торговли и обмена товарами дештскими кочевниками с оседлыми жителями присырдарьинских городов. Сюда кочевники-скотоводы пригоняли скот, лошадей, доставляли мясо, кожи, шерсть, шерстяные изделия, мех, и в обмен на свою продукцию получали местные и доставляемые купцами из других областей хлопчатобумажные и шелковые ткани, различные изделия, а также зерно, муку и другие продукты земледелия [6, с. 153]. По меньшей мере, в каждой юрте имелся жизненно необходимый для приготовления пищи металлический казан и, очевидно, что кочевники не сами изготавливали их, а приобретали их в центрах торговли, коими являлись присырдарьинские города. Это является лишь одним из свидетельств значимой роли данных городов, а также экономической зависимости от них дештских кочевников.

Города присырдарьинского региона являлись единственным крупным экономическим центром восточного Дешт-и Кипчака и обособляли ее в отдельную экономическую область, тогда как в остальных частях Улуса Джучи также были свои центры, такие как: Крым – с приморскими городами и причерноморскими реками, нижнее Поволжье – с Астраханью и долиной нижней Волги, среднее Поволжье – с Казанью и долиной средней Волги, Сибирь – с Турой и реками Северного Казахстана, Хорезм – с Ургенчем, Хивой и долиной Амударьи. Таким образом, данные экономические области являлись основой для образования отдельных общностей местного кочевого населения, независимых или слабо зависимых от других областей.

Согласно Н. Масанову кочевая государственность могла сложиться лишь при условии концентрации племен и племенных элит вблизи городских центров, как к примеру у казахов в Присырдарьинском регионе. Это было необходимо для координации общественных функций, с последующей бюрократизацией общественной и политической жизни социума, и, как следствие, сложения государственности [3, с. 163].

В рамках границ вышеуказанных экономических областей сложились государственные образования – улусы, а затем такие ханства как: Крым, Астрахань, Булгар, Сибирь, Хорезм, восточный Дешт-и Кипчак, получившие название по имени основателей правящих династий, как «Урус царев юрт», «Бараков царев казацкий юрт», «Темир-Кутлуев юрт», «Тайбугин юрт», «Магмет Киреев царев юрт», «Мангытский юрт». На наш взгляд, данные экономико-географические зоны являлись первичными по отношению к политико-административным областям (юртам, улусам, вилайетам, ханствам), возникшим на основе этих зон, поскольку территория данных юртов была неизменной в

отличии от политических групп, которые сменяли друг друга на тронах Сарая, Сыгнака, Казани и Туры. В определенной мере отдельной экономической областью можно считать и г. Сарайчик с долиной реки Урал. На ее основе сложился «Мангытский юрт» - Ногайская Орда, распад и угасание которой совпали с разгромом Сарайчика казаками и его постепенным угасанием.

Впоследствии по причине экономической самодостаточности данных улусов, а также политической турбулентности, Улус Джучи распался по границам данных экономических областей. Таким образом, распад Улуса Джучи по политическим причинам привел к обособлению данных экономико-географических областей в качестве отдельных улусов, власть в которых переходила от одной династии к другой. В результате данных событий кочевое население каждого из улусов начало обособляться от населения других улусов, и начались процессы этногенеза, основанные на общих зимовках и экономических центрах в каждой отдельной экономико-географической области.

При этом стоит отметить, что племенной состав каждой области был практически идентичным, разница была лишь в том, какие племена доминировали в политической жизни каждого улуса. Опираясь на сведения Утемиша хаджи, Кадыргали бека, мирзы Улугбека, муллы Ахсикенди, Стралленберга, можно утверждать, что основными племенами восточного Дешт-и Кипчака с XIV по XVII в.в. являлись: Жалаир, Уйсун, Аргын, Найман, Кыпчак, Конырат, Алшин, Табын, Тама, Курлеут, Маджар, Минг, Юз, Катаган и другие, встречающиеся также в других улусах.

Помимо того, что присырдарьинские города были центрами торговли, они также были и центрами духовности, так как в них базировались суфийские тарикаты и там же располагались могилы известных святых: Арыстан баб, Ходжа Ахмет Яссави, Баба Шашты Тукты Азиз, Кылышты ходжа, Сунак ата и другие.

Правители Улуса Джучи со времен хана Узбека покровительствовали распространению ислама, в результате чего в городах, в том числе и присырдарьинских, было построено большое количество мечетей, медресе, суфийских обителей, благотворительных учреждений. Уже в период Джанибек хана сыновья эмиров племен начали получать исламское образование у мусульманских ученых и через них остальные члены племени приобщались к исламской религии. Суфийские ходжи умело адаптировали ислам к культурным традициям кочевого населения улуса Джучи. Учитывая веками сложившийся у тюрок обычай подчиняться предводителю рода со всем уважением и преданностью, шейхи и ходжи старались породниться с чингисидами и эмирами крупных племен, устанавливая родственные связи [19, с. 73-74]. В результате данных процессов не только чингисиды, но и вожди племен и их многочисленные сородичи в XIV в. в значительной мере приобщились к исламскому вероучению и религиозным обрядам.

Суфийское учение играло огромную роль в духовной и культурной жизни казахов, адаптируя ислам под кочевую образ жизни. В Присырдарьинском регионе мусульманское духовенство имело огромное влияние на городскую и сельскую жизнь, которое основывалось на чрезвычайно высоком удельном весе духовенства в местном землевладении [6, с. 83]. Влияние это распространялось не только на оседлое население, но и на кочевое. Близость восточно-дештских кочевников к центрам духовной культуры, которыми являлись города на Сырдарье с их многочисленными суфийскими ханаками, богатым духовным наследием, сыграло роль в смягчении нравов кочевников и более лояльному отношению к власти, поскольку суфии, помимо роли проповедников играли роль и политических консультантов, и посредством своего огромного влияния они могли сыграть ключевую роль в вопросах поддержки определенных правителей народными массами. Поэтому ханы и эмиры из числа урусидов, шибанидов, тимуридов искали благоволения суфийских лидеров и святых людей, обладающих духовным авторитетом среди населения.

На наш взгляд, одной из причин постоянных междоусобиц в Ногайской Орде и ее распада являлась грубость нравов и чрезвычайная воинственность по причине географической дальности от культурных и духовных центров, тогда как представители племен, составивших казахский этнос, благодаря близости к суфийским тарикатам были более мягки нравами и лояльными по отношению к власти чингисидов в отличие от ногайцев, что сыграло определенную роль в централизации власти в Казахском ханстве и сложению казахов как этнической общности. Эта тема ждет исследований специалистов в части культурной истории.

Как мы и указывали ранее, суфийские тарикаты, базировавшиеся в Присырдарьинском регионе и Мавераннахре, играли большую роль в образовании надплеменной общности и имели большое влияние на восточно-дештские племена, зимовавшие в долине Сырдарьи, что можно заметить по фольклорным преданиям и шежире. Большая часть вождей племен, указанных в шежире как прародители данных племен, являлись мюридами суфийских наставников либо религиозными деятелями, к примеру: аргын Караходжа, конырат Наганай, найманы Аксопы и Толегетаи, алшины Кыдырходжа и Жалантос, тама

Узак-Шора (Урак-Шора) и Карабура, дулат Домалак ана и другие. Также имена сыновей основателей данных племен, свидетельствуют об их религиозности: Болат-ходжа, Мейрам-суфий, Тенбил-суфий, Ак-суфий, Кара-суфий, Бакты-шейх, Кыдыр-шейх, Султан-шейх. Также согласно этнографическим запискам, мы видим, что у каждого племени был свой суфийский наставник (пир, ата, шейх, устаз). У жалаиров – Кадырберды шейх, у мангытов – Баба Тукли шейх, у канглы – Акбура ата, у кыпчаков – Бакшаик ата, у керейтов – хазрет Бахауддин и Азиз ахун, у рамаданов – Шагыр ата и Елбаба, у алшинов – Мусирали шейх, у коньратов – Мауты шейх, у уйсунув – Жилшир ата, у сиргели – Коркыт ата, у найманов – Желки ата, у аргынов – шейх Джалаладдин, у кереев – Жылаган ата, у киятов – Жомсын ата, у катаганов – хазрет шейх Маслихиддин Ходженди и другие [20, с. 62]. По этой причине, мы можем утверждать, что влияние суфизма на восточно-дештские племена было довольно существенным.

Таким образом развитая духовная культура присырдарьинских городов в лице деятельности суфийских братств сыграла определенную роль в смягчении нравов дештских кочевников, возвышения их сознания на надплеменной уровень и, как следствие, их единение в рамках присырдарьинской культурной области, где располагались их зимовки.

Окончательное установление власти урусидов в Присырдарьинском регионе как заключительный этап этногенеза казахского народа. Как было указано выше, в результате влияния таких факторов как расположение зимних кочевий, а также близость к экономическим и духовным центрам в Присырдарьинском регионе сложилась общность восточно-дештских племен.

Значимость Присырдарьинского региона было трудно переоценить. Подчинив данный регион, правители получали контроль над всеми племенами, обладающими зимними кочевьями в нем и таким образом фактически становились правителями всего восточного Дешт-и Кипчака. Помимо этого, они получали контроль над важными центрами торговли и ремесел, и как следствие получали доходы в виде налогов и сборов. Также города этого региона являлись важными оборонно-стратегическими пунктами. Дештские правители, подчинив их, имели плацдарм для дальнейшей экспансии в Среднюю Азию. Среднеазиатские правители, в свою очередь, пытались захватить эти города, чтобы иметь оборонные форпосты для защиты от нападений дештских кочевников [6, с. 95].

На протяжении XIV-XV в.в. данным регионом правило большое количество различных династий: батуиды, ордуиды, шибаниды, тукатимуриды, урусиды, тимуриды, а иногда и чагатида и едигеиды. Одной из династий, пытавшейся подчинить себе данный регион была династия тукатимурида Урус хана. Присырдарьинским регионом на протяжении XIV-XVI в.в. с переменным успехом правили в данный период и урусиды, и тимуриды, и шибаниды, пока в 1580-ых годах его не захватил урусид Тауекел хан. После его завоевательных походов и вплоть до конца существования Казахского ханства, Присырдарьинский регион стал его частью.

Как известно, ханов из династии урусидов и их подданных называли политонимом «казак». Вплоть до XVII в. данное название не использовалось в качестве самоназвания кочевниками восточного Дешт-и Кипчака. Первый казахский летописец - жалаир Кадыргали бек в своем труде «Джами ат-таварих», написанном в конце XVI в., называет население улуса Урус хана «узбеками», делящимися на два крыла: «тысяча алашей/Алаша» и катаган, а термин «казак/казах» не использует.

С завоеванием Присырдарьинского региона урусидскими ханами - «казахами» политическая и этническая истории казахского народа начали двигаться в одном направлении. Удерживание ими Присырдарьинского региона на протяжении XVII – XVIII в.в. стало основным фактором, повлиявшим на перенятие восточно-дештскими, или как они еще назывались «узбекскими» племенами, политонима «казак». Кратко говоря, с утверждением власти казахских ханов на Сырдарье среди местного населения утвердилось название «казак».

Правление урусидов с точки зрения истории было лишь правлением одной из многочисленных династий, правивших на этой территории, и основным их вкладом было привнесение самоназвания «казак» по отношению к племенам восточного Дешт-и Кипчака. Однако сам процесс формирования этноса, принявшего в XVII в. данный этноним, начался, по нашему мнению, во второй половине XIV в. – первой половине XV в., когда окончательно определились границы юртов, правящие династии, а также когда жили большинство фольклорных прародителей племен, составивших казахский этнос.

Заключение. Подводя итоги исследования, можем сделать вывод, что определяющую роль в этногенезе казахов сыграл объединяющий экономико-географический фактор – наличие у восточно-дештских племен общих зимовок по долине реки Сырдарья. Наличие летовок в трех разных частях восточного Дешт-и Кипчака, в свою очередь, сыграло роль в разделении данной общности племен на три группы, ставшие основой для трех жузов.

При этом, стоит отметить, что политические факторы не имели сильного влияния на этнические

процессы. Различные правящие династии сменяли друг друга, тогда как племена, оставались на своих исконных территориях, подчинялись каждой династии перенимали их политонимы. Таким образом, одни и те же племена в течение одного века могли быть шибанскими узбеками, ногаями и казахами.

Также важным фактором обособления восточно-дештских племен была их принадлежность к Присырдарьинской экономической области, включавшей в себя присырдарьинские города и зимовки вдоль Сырдарьи. Эти города являлись центром притяжения в экономическом и духовном планах для восточно-дештских племен. Другими экономическими областями, обособливавшие местные племена в своих регионах, являлись Крым, Сибирь, Нижнее и Среднее Поволжье, Хорезм, Урал, на основе которых образовались государственные образования - улусы.

Духовность также являлась значимым фактором в объединении присырдарьинских племен. Принадлежность к многочисленным суфийским тарикатам, базировавшимся в присырдарьинских городах, скрепляло их единство, возвышало их сознание на надплеменной уровень, смягчало нравы и усиливало лояльность к властям.

В ходе длительной борьбы в конце XVI в. Присырдарьинский регион окончательно был включен в состав владений ханов из династии Урус хана. Подчинив племена, имеющие зимовки в долине Сырдарьи, они включили их в состав своей политической группировки известной под политонимом «казах», что позднее стало самоназванием всего этноса.

Таким образом, мы приходим к выводу, что политическая история не может объяснить всех сложностей этногенеза казахов. Изучив географическую историю населения, мы получили ответы на вопросы о расхождениях между этнической и политической историей казахов. До XVII в. политическая история династии урусидов и этническая история племен, составивших казахский народ, двигались в разных направлениях, и лишь с XVII в., с подчинением урусидами Присырдарьинского региона они стали двигаться в одном направлении.

На наш взгляд, в изучении истории казахского народа основной упор следует делать на этническую историю казахов, а не на политическую. Урусидов, как и шибанидов, едигеидов, батуидов и других, нужно рассматривать как одну из множества правящих династий в истории казахского народа. Подобный подход используется в Китае, где династии Цинь, Хань, Тан, Юань, Мин, Цин не рассматриваются как отдельные государства, а рассматриваются лишь как чередующие друг друга династии, правившие Китаем. Тогда как в нашей историографии этническую историю казахов сводят лишь к Казахскому ханству, а государство шибанида Абу-л-хайра, Ногайская Орда, Сибирское ханство и другие государственные образования, располагавшиеся на территории нынешнего Казахстана, рассматриваются как части истории других этносов (узбеков, ногайцев, татар).

Список использованной литературы:

1. Джалилова Р.П. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфажани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). – М.: Наука, 1976. – 537 с.
2. Тулибаева Ж.М. Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. – Астана: Издательство ГУ Национального центра археологии и источниковедения, 2011. – 276 с.
3. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). – Алматы «Социнвест». М.: «Горизонт», 1995. – 320 с.
4. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб.: Типография Императорской академии наук. 1864. – 531 с.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Ч.1. – М.: Издательство Восточной литературы. 1963. – 1024 с.
6. Пищулина К.А. Очерки истории Казахского ханства. Сборник статей. 2016. – 350 с.
7. Абдиров М.Ж. Мухаммед-Ханафия (Чокан) Чингисович Валиханов об этнониме «казак», этнониме «казах» и этногенезе казахского народа (статья первая). // Отан тарихы. – 2022. – №1 (97). – С.15-23.
8. Талеев Д.Ә. Жошы ұлысының Сырдария бойындағы рухани орталығы. // Отан тарихы. – 2023. – №26 (3). – С. 650–661.
9. Исмагулов О.С., Исмагулова А.О. Казахстан – кара шаньырак тюркских народов на основе 50-вековой этнической истории казахского народа // Отан тарихы. – 2024. – №27 (2). – С. 284-300.
10. Урунбаев А. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. – Ташкент: Фан. 1996. – 656 с.
11. Сабитов Ж.М. Хронология правления казахских ханов // «Молодой ученый». – 2016. – №2 (106). – С.737-743.
12. Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания. Легенды и сказки. – Петроград: типография Смирнова. 1917. – 198 с.

13. Ерофеева И.В. Знаковый персонаж казахских преданий Алаша хан: историческая личность и миф // Тюркологический сборник. – 2016. – С. 256-292.
14. Тулибаева Ж.М. Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. – Астана: Издательство ГУ Национального центра археологии и источниковедения. 2011. – 276 с.
15. Каратаев А.А. Происхождение племен Старшего жуза по шежуре: Улус Джучи или Могулистан? // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2023. Т. 10. – № 4. – С. 772–789.
16. Каратаев А.А. Об Алаша хане и формировании объединения «Алаш» // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2023. Т. 10. – № 2. – С. 241–255.
17. История Казахстана в русских источниках. Т. VII. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. – Алматы: Дайк-Пресс. 2006. – 600 с.
18. Нагаминэ Х. Сызнак как «порт Даши-и Кыпчака» и «город-мавзолей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. – 2020. Т. 8. – №3. – С. 533–551.
19. Тулибаева Ж.М., Тулибаев Т.Е. Правители и ислам в Золотой Орде: по материалам тимуридских источников первой половины XV в. // Вопросы истории. – 2022. – №5(2). – С. 67-77.
20. Туркестанский сборникъ. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Том 440. – Ташкент 1907. – 185 с.

References:

1. Dzhaliylova R.P. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. Mihman-name-ji Buhara (Zapiski buharskogo gostya). [Notes of the Bukhara guest] Moskva: Nauka. 1976. 537 p. (In Russ.)
2. Tulibaeva Zh.M. Materialy po istorii Kazahstana i Central'noj Azii. [Materials on the history of Kazakhstan and Central Asia.] Astana: Izdatel'stvo GU Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedeniya. 2011. 276 p. (In Russ.)
3. Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazahov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva). [Nomadic civilisation of Kazakhs (bases of life activity of nomadic society).] Almaty «Socinvest» - Moskva «Gorizont», 1995. 320 p. (In Russ.)
4. Vel'yaminov-Zernov V.V. Issledovanie o kasimovskih caryah i carevichah. [Research on the Kasimov tsars and tsareviches.] SpB: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk. 1864. 531 p. (In Russ.)
5. Bartol'd V.V. Sochineniya. [Works] T.2. Ch.1. Moskva: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury. 1963. 1024 p. (In Russ.)
6. Pishchulina K.A. Ocherki istorii Kazahskogo hanstva. Sbornik statej. [Essays on the history of the Kazakh Khanate. Collection of articles.] 2016. 350 p. (In Russ.)
7. Abdirov M.Zh. Muhammed-Hanafiya (CHokan) CHingisovich Valihanov ob etnonime «kazak», etnonime «kazah» i etnogeneze kazahskogo naroda (stat'ya pervaya). [Muhammed-Khanafia (Chokan) Chingisovich Valikhanov on the ethnonym "Kazak", ethnonym "Kazakh" and ethnogenesis of the Kazakh people (article one).] // Otan tarihy. 2022. №1 (97). S.15-23. [In Russ.]
8. Taleev D.A. ZHoshy ulysynyn Syrdariya bojyndaghy ruhani ortalyghy. [A. spiritual centre of Ulus Juchi along the Syr Darya.] // Otan tarihy. 2023. № 26 (3). S. 650–661. [In Kaz.]
9. Ismagulov O.S., Ismagulova A.O. Kazakhstan – kara shanyrak tyurkskih narodov na osnove 50-vekovoj etnicheskoj istorii kazahskogo naroda. [Kazakhstan - kara shanyrak of Turkic peoples on the basis of 50-century ethnic history of the Kazakh people.] // Otan tarihy. 2024. № 27 (2). S. 284-300. [In Russ.]
10. Urunbaev A. Mirza Muhammad Hajdar. Tarih-i Rashidi. Tashkent. Fan. 1996. 656 p. (In Russ.)
11. Sabitov Zh.M. Hronologiya pravleniya kazahskih hanov. [Chronology of the reign of Kazakh khans] // «Molodoj uchenyj». №2 (106). 2016. P.737-743. (In Russ.)
12. Potanin G.N. Kazak-kirgizskie i altajskie predaniya. Legendy i skazki. [Kazak-Kirghiz and Altai legends. Legends and fairy tales.] Petrograd: tipografiya Smirnova. 1917. 198 p. (In Russ.)
13. Erofeeva I.V. Znakovyj personazh kazahskih predanij Alasha han: istoricheskaya lichnost' i mif. [The iconic character of Kazakh legends Alasha khan: historical personality and myth.] // Tyurkologicheskij sbornik. 2016. P. 256-292. (In Russ.)
14. Tulibaeva Zh.M. Materialy po istorii Kazahstana i Central'noj Azii. [Materials on the history of Kazakhstan and Central Asia.] Astana: Izdatel'stvo GU Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedeniya. 2011. 276 p. (In Russ.)
15. Karatayev A.A. Proiskhozhdenie plemen Starshego zhuza po shezhire: Ulus Dzhuichi ili Mogulistan? [Origin of tribes of the Elder Zhuz according to shezhira: Ulus Dzhuichi or Mogulistan?] // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz». 2023. Т. 10. № 4. P. 772–789. (In Russ.)

16. Karatayev A.A. *Ob Alasha hane i formirovanii ob"edineniya «Alash»* [About Alasha khan and the formation of the association "Alash"] // *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz.»*. 2023. T. 10. № 2. P. 241–255. (In Russ.)
17. *Istoriya Kazahstana v russkih istochnikah*. [History of Kazakhstan in Russian sources] T.VII. G.N. Potanin. *Issledovaniya i materialy*. Almaty: Dajk-Press. 2006. 600 p. (In Russ.)
18. Nagamine H. *Sygnak kak «port Dasht-i Kypchaka» i «gorod-mavzolej»: period ot pravleniya levogo kryla Dzhuchidov do osnovaniya «Kazahskogo hanstva»* [Sygnak as a "port of Dasht-i Kypchak" and "mausoleum city": the period from the reign of the left wing of the Dzhuchids to the foundation of the "Kazakh Khanate"] // *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2020. T. 8, № 3. P. 533–551. (In Russ.)
19. Tulibaeva Zh.M., Tulibaev T.E. *Praviteli i islam v Zolotoj Orde: po materialam timuridskih istochnikov pervoj poloviny XV v.* [Rulers and Islam in the Golden Horde: on the materials of Timurid sources of the first half of the XV century] // *Voprosy istorii*. №5(2). 2022. P. 67-77. (In Russ.)
20. *Turkestanskii sbornik*. *Stat'i i zametki iz russkih i inostrannyh gazet*. Tom 440. [Turkestan Collection. Articles and notes from Russian and foreign newspapers. Vol.440] Tashkent 1907. 185 p. (In Russ.)